

Александр Григорьевич Чернявский

независимый исследователь
Республика Беларусь, Гродно, 6-й Дальний пер., 19-1
E-mail: charniauski.alaksandr1999@gmail.com

Уровень национального самосознания белорусского населения в Латвии (1918–1940 годы)

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.08

Аннотация: Белорусская диаспора в межвоенной Латвии была одной из наиболее активных и успешных. На протяжении данного периода деятели диаспоры активно участвовали в развитии системы белорусских образовательных учреждений (например, общество «Бацькаўшчына» играло ведущую роль в открытии около полусотни белорусских школ), в издательской, театральной, этнографической деятельности. Белорусское национальное движение в Латвии не ограничивалось созданием культурно-просветительских организаций: появился ряд политических объединений (например, Общество белорусов-избирателей, Белорусская демократическая партия), основной целью которых было создание представительства белорусского национального меньшинства в государственных органах разного уровня. Тем не менее, несмотря на масштаб деятельности, история белорусского меньшинства в этой стране остается малоисследованной. Это же относится и к вопросу уровня национального самосознания местных белорусов.

Цель данного исследования — обозначить причины и факторы, которые определяли состояние самоидентификации латвийских белорусов. Переписи населения показали, что число белорусов значительно варьировалось. В исследовании изучаются возможные причины этих изменений, а также то, какое влияние на самосознание белорусов оказывали уровень грамотности, культурно-просветительские инициативы белорусского меньшинства, межнациональные отношения и другие факторы.

Ключевые слова: Латвия, Латгалия, белорусы, К. Езовитов, национальное меньшинство, диаспора, национальное самосознание, 1918–1940

Aleksandr G. Charniauski

Independent Researcher
6th Dalniy lane, 19-1, Grodno, Belarus
E-mail: charniauski.alaksandr1999@gmail.com

Level of national self-identification of Belarusians in Latvia in 1918–1940

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.08

Abstract: The Belarusian diaspora in interwar Latvia was one of the most active and successful in the world. During this period, diaspora activists participated in the development of the system of Belarusian educational institutions (for example, Society “Ва́ркаўшчына” played a leading role in the opening of nearly fifty Belarusian schools), published books and newspapers, founded theatres, conducted ethnographic researches. Belarusian national movement in Latvia was not limited to the creation of cultural and educational organizations: a number of political associations appeared (for example, the Society of Belarusian Voters, the Belarusian Democratic Party), the main purpose of which was to create representation of the Belarusian minority in government agencies. Nevertheless, despite the scale of Belarusians’ activities, the history of the Belarusian minority in this country needs more investigations. That also applies to the issue of the level of national self-identification of local Belarusians.

The purpose of this study is to identify the causes and factors that determined the level of self-identification of Latvian Belarusians. Population censuses showed that the number of Belarusians fluctuated significantly. The study examines the possible causes of these fluctuations, the impact of literacy level, cultural and educational initiatives of the Belarusian minority, interethnic relations and other factors.

Keywords: Latvia, Latgale, Belarusians, K. Jezavitau, ethnic minority, diaspora, ethnic self-identification, 1918–1940

В 1918 г. в Европе политическими элитами ряда наций было объявлено о создании новых государств, ранее не существовавших на политической карте этой части света. Латвия была в их числе: 18 ноября 1918 г. Народный совет Латвии в Риге провозгласил независимость Латвийской республики. В ее состав вошли земли трех бывших губерний Российской империи — Курляндской (культурно-исторический регион Курземе), южные уезды Лифляндской (Ви́дземе) и западные уезды Витебской губерний (Латгале, Латгалия), что было отражено в гербе Латвийской республики в виде трех золотых звезд. Межвоенная Латвия стала домом для представителей множества национальностей — собственно латышей, немцев, евреев, русских, поляков и др. Здесь также проживало несколько десятков тысяч белорусов, которые, в отличие от белорусских диаспор в других европейских странах, были тут коренным населением (в основном крестьяне, отчасти промышленные рабочие). Некоторые представители белорусской интеллигенции Латвии были иммигрантами с территорий, лежащих за пределами Латвии. Белорусы Латвии в 1918–1940 гг. по своей активности и уровню достижений заметно

выделялись по сравнению с белорусскими диаспорами в других странах Европы и мира. Ими была создана многоуровневая система белорусскоязычного образования, основано множество культурных и политических организаций («Родина» («Бацькаўшчына»), «Белорусская хата» («Беларуская хата»), «Общество белорусов-выборщиков» («Таварыства беларусаў-выбаршчыкаў») и др.), налажена печать книг и периодических изданий.

Цель нашего исследования — определить причины и факторы, которые тем или иным образом повлияли на уровень национального самосознания белорусов Латвии в 1918–1940 гг. Впервые в историографии данная тема была рассмотрена еще в межвоенный период: проблема получила освещение в значительной работе Кастуся Езовитова 1927 г. «Белорусы в Латвии». Он был одним из лидеров белорусского национального движения в этой прибалтийской стране. Свежий взгляд на проблему дают труды современных ученых Эрикас Екабсонса из Латвийского университета и Юрия Грибовского из Варшавского университета. Свой вклад в изучение данного вопроса внесли также И. Апинь, М. Голдманис, О. Коваль и другие исследователи. Тем не менее следует отметить, что проблема остается малоизученной и требует более детального исследования на основе широкого круга исторических источников.

Численность белорусов в межвоенной Латвии, судя по официальным данным, претерпевала значительные изменения. В данный период в стране были организованы четыре переписи населения. Наибольшее число белорусов показали результаты первой переписи — 1920 г. — 75 630 человек. Однако через пять лет, в 1925 г., белорусами отметило себя в два раза меньшее количество людей — 38 010 человек¹. В 1930 г. их число составило 36 029 человек², а в 1935 г. — 26 867 человек³. Наибольший процент белорусов был зафиксирован в Латгалии — в восточных волостях Даугавпилсского, Резекненского, Лудзенского и Иллуектского уездов.

¹ *Езавітаў К.* Беларусы ў Латвіі // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. Т. 36. Нью-Ёрк; Менск, 2013. С. [19].

² *Trešā tautas skaitīšana Latvijā 1930. gadā. II. Tautība / M. Skujenieka teksts un redakcija.* Rīga, 1930. Lpp. 63.

³ *Ceturta tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā / Sastādījis V. Salnītis, rediģējis M. Skujenieks.* Rīga, 1939. Lpp. 286.

Такие значительные изменения численности белорусов могут объясняться низким уровнем национального самосознания населения Латгалии. Э. Екабсонс считает, что слово «белорусы» обозначало не только национальность, но и социальную группу, которая объединяла в том числе крестьян латышского, русского и польского происхождения. Он также приводит данные переписи населения 1930 г. о конфессиональной принадлежности белорусов. Около 60% (22 220 чел.) белорусов исповедовали католицизм, а православных было 25% (9820 чел.), что, по его мнению, указывает на латышское происхождение части белорусов (балтское население Латгалии в основном сохраняло католическое вероисповедание)⁴. Хотя в конце XIX в. в латгальской деревне начался процесс национальной самоидентификации, в межвоенный период оставалась значительная группа крестьян, которая еще не соотносила себя с определенной национальностью: они разговаривали на белорусских диалектах с элементами польского, русского и латышского языков, а в религиозных целях использовали польский язык⁵.

Говоря о динамике численности белорусов Латвии, следует отметить, что, хотя все четыре переписи населения, как сегодня отмечается, относительно точно передавали общий национальный состав населения страны в целом⁶, есть основания сомневаться в их полной подлинности и непредвзятости. Например, зафиксированы попытки увеличить количество латышей за счет представителей других национальностей. Так, в последней переписи населения, которая была проведена в 1935 г., после установления в 1934 г. авторитарного режима К. Улманиса, по некоторым уездам результаты были подделаны — на переписных листах Даугавпилсского и Илукстского уездов сохранились исправления национальности. Наиболее значительные поправки относились к православным и староверам. Отмечается, что это в основном были русские⁷. Что касается проблем статистических источников вообще, Э. Екабсонс пишет, что в шести волостях

⁴ Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918–1940 годах // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. Мінск, 2001. С. 47–48.

⁵ Grzybowski J. Stosunki polsko-białoruskie na Łotwie w latach 1920–1940 // Dzieje kultur czy zarzewie konfliktów? Problematyka mniejszości narodowych i etnicznych w Europie / Pod red. T. Gajownika [i innych]. Olsztyn, 2017. S. 35–36.

⁶ 20. gadsimta Latvijas vēsture. II: Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. Lpp. 291.

⁷ Ibid. Lpp. 297.

Иллукутского уезда, часто не спрашивая разрешения родителей, новорожденных записывали латышами (если фамилия была латышская) либо белорусами, чтобы ослабить польское движение в регионе⁸. Как мы видим, данные о национальном составе Латвии могли стать предметом манипуляций в зависимости от политической конъюнктуры.

Важными факторами, влияющими на рассматриваемую нами проблему, были политика государственных властей и ряд событий политической жизни межвоенной Латвии. Законодательство Латвии о национальных меньшинствах отличалось своей толерантностью, что способствовало культурному развитию народов страны. Также, как отмечает Э. Екабсонс, в начале 1920-х гг. власти придерживались курса поддержки белорусского движения в противовес польским активистам, в которых видели потенциальных сепаратистов⁹. Но вскоре подобные подозрения появились и в отношении белорусов, что обусловило изменение этой политики. Наиболее видным белорусским деятелям (К. Езовитов, В. Пигулевский, П. Мяделка-Гриб, И. Красковский и др.) в 1924 г. было предъявлено обвинение в сепаратизме, в попытке отделить часть Латгалии от Латвии. И хоть фигуранты этого «Белорусского процесса» в апреле 1925 г. были оправданы Латгальским окружным судом, данное событие стало одним из переломных моментов жизни белорусской диаспоры в Латвии¹⁰.

К. Езовитов, анализируя в своей книге 1927 г. «Белорусы в Латвии» итоги первых двух переписей населения, обращал внимание на то, что в Иллукутском уезде количество белорусов не уменьшилось, а даже увеличилось на 360 человек, хоть в других уездах со значительным белорусским населением было зафиксировано резкое падение количества представителей этого национального меньшинства. Он считал, что такие изменения были результатом того, что значительная часть православных белорусов записалась в 1925 г. русскими. По мнению Езовитова, это было следствием событий, предшествовавших «Белорусскому процессу», которые напугали белорусских крестьян, а также слухов, что те, кто скажет на переписи о своей белорусской национальности, будет арестован и попадет в тюрьму¹¹.

⁸ *Jēkabsons Ē. Sešu pagastu un Grīvas pilsētas problēma Latvijas un Polijas attiecībās 20.–30. Gados // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1995. Nr. 1. Lpp. 96.*

⁹ *Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918–1940 годах... С. 50.*

¹⁰ Там же. С. 52–54.

¹¹ *Езавітаў К. Беларусы ў Латвіі. С. [34], [39]–[40].*

Значительное влияние на самосознание белорусов оказывала деятельность белорусских организаций. Наибольшее значение имело развитие системы белорусских школ. Вскоре после обретения независимости государственные власти создали благоприятные условия для открытия школ на языках национальных меньшинств, и такое состояние сохранялось до авторитарного переворота 1934 г. Законодательство разрешало открывать школы, если количество детей определенной национальности составляло по крайней мере 30 человек. Отсутствие препятствий для развития организаций национальных меньшинств также было положительным фактором. Первые белорусские школы появились в 1921/1922 учебном году: свои двери для около 3500 учеников открыли 47 белорусских школ. До «Белорусского процесса» их число достигло полусотни, также появились две белорусские гимназии — в Лудзе и Даугавпилсе, а позднее — в Риге. После 1925 г. установилась устойчивая тенденция на сокращение количества белорусских школ¹².

Гимназия в Лудзе закрылась в 1925 г., проработав всего несколько лет, однако Даугавпилсская (Двинская) гимназия просуществовала достаточно продолжительное время и даже сумела стать одним из центров белорусского национального движения в межвоенной Латвии. Белорусские школы готовили новое поколение интеллигенции, а именно — будущих учителей для школ диаспоры. Во многих сельских местностях они были единственными проявлениями деятельности белорусского национального меньшинства¹³.

Прямым результатом работы белорусских образовательных учреждений был рост уровня грамотности, который, в свою очередь, являлся важным показателем состояния самосознания населения Латгалии. В межвоенный период этот регион по уровню грамотности значительно отличался от других частей страны: например, в 1920 г. тут читать и писать умели 50,1 % населения, при том, что средний показатель по всей Латвии составлял 78,8 %. Среди крупных национальных меньшинств страны белорусы долгое время имели самый низкий уровень грамотности: например, в 1920 г. — 41,1 %. Результаты всех

---

¹² *Jēkabsons Ē.* Polskie, białoruskie i litewskie szkolnictwo na Łotwie w okresie międzywojennym // *Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim.* Białystok, 2007. S. 214–216.

¹³ *Ibid.* S. 216.

четырёх переписей показали устойчивую тенденцию роста. В 1935 г. грамотность белорусов была на уровне 71,4%¹⁴.

Межэтнические контакты в Латгалии были насыщенными, однако далеко не всегда конструктивными либо способствовавшими развитию диаспор, и нередко перерастали в конфликты. Трения проявлялись публикациями в периодической печати, дискуссиями в Саэйме (парламенте) и конкуренцией во время избирательных кампаний. Это не могло не влиять на уровень национальной самоидентификации белорусов: как справедливо отмечает историк Ю. Грибовский, межнациональные отношения нередко обретали характер борьбы за «души» местного населения, которое имело низкий уровень национального самосознания, часто использовало самоназвание «тутэйшыя»¹⁵.

Довольно часто в работах и воспоминаниях деятелей белорусского движения в этой стране встречаются жалобы на то, что конфликты между белорусами и представителями других национальных меньшинств негативно влияли на позиции белорусов и мешали их деятельности. В 1923 г. «Ежемесячник Министерства просвещения» опубликовал статью Езовитова «О белорусах и великорусах в Латвии». Езовитов акцентировал внимание на том, что наиболее напряженные межэтнические отношения белорусы имели с двумя другими славянскими меньшинствами — поляками и русскими. Автор отмечал, что в стране были силы, которые считали, что никаких белорусов в Латвии нет, а потому существование белорусских школ не имеет оснований. Это определило основную цель статьи — доказать обратное.

Следует посмотреть, в чем он видел истоки такого состояния. Работа белорусских организаций уменьшала ряды польского и русского национальных меньшинств. Развитие белорусских школ также играло в этом свою роль, так как некоторые польские и русские школы становились белорусскими. По мнению Езовитова, русские, опираясь на традицию господства на этой земле, стремились распространить свое влияние на другие национальные меньшинства, в том числе на белорусов, поляков и евреев. Создание белорусских школ русские, по словам автора, считали нарушением своих прав, поэтому они «начали безжалостную борьбу, агитируя на местах темных

¹⁴ Rutkis J. Latvijas ģeografija. Stockholm, 1960. Lpp. 470–471.

¹⁵ Grzybowski J. Stosunki polsko-białoruskie na Łotwie w latach 1920–1940. S. 35–36.

и непросвещенных белорусов, чтобы поднять их против белорусской школы», «в борьбе против белорусов... использовали все средства, чтобы дискредитировать белорусское национальное движение и его представителей»¹⁶.

Сложностью отмечались и польско-белорусские отношения. Отсутствие устойчивой национальной самоидентификации значительной части населения Латгалии стало причиной конфликтов между деятелями этих национальностей. Белорусы и поляки расходились во взглядах на то, по каким показателям нужно было разделять латгальских крестьян по национальности. Так, белорусские деятели называли белорусами всех, кто использовал белорусский язык, а поляки главным показателем считали конфессиональную принадлежность, причисляя к полякам католиков. Ю. Грибовский отмечает, что усилия белорусских и польских деятелей по укреплению соответственно белорусского либо польского самосознания в местном населении часто сталкивались с его незаинтересованностью. Противостояние принимало все более острые формы. Представители польского движения иногда отрицали существование белорусов в Латвии вообще. В свою очередь белорусы высказывали мысль о том, что на самом деле поляками в Латвии является только небольшая группа землевладельцев¹⁷.

Таким образом, проблема уровня национального самосознания белорусов в межвоенной Латвии отличалась многогранностью и определялась множеством факторов. В целом на начало данного периода уровень национального самосознания был невысоким из-за незавершенности процесса самоидентификации жителей латгальской деревни, на что указывает, в частности, низкий уровень грамотности в Латгалии в начале 1920-х гг. Укреплению в первой половине 1920-х гг. самосознания белорусов способствовали либеральное законодательство Латвии, курс государственных властей на поддержку белорусского движения, стремительное развитие белорусских культурно-просветительских организаций, в частности системы образовательных учреждений. Росту национального самосознания белорусов препятствовал ряд событий в политической жизни страны — «Белорусский процесс» 1925 г., переворот К. Улманиса 1934 г. Одним

¹⁶ *Jezovitovs K.* Par baltkrieviem un lielkrieviem Latvijā // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1923. Nr. 1. Lpp. 63–69.

¹⁷ *Grzybowski J.* Stosunki polsko-białoruskie na Łotwie w latach 1920–1940. Lpp. 36–37.

из важнейших факторов, который значительно повлиял на трансформацию уровня национального самосознания белорусов, были межнациональные отношения, которые отличались сложностью и определенной напряженностью.

Літэратура

Ezavimaj K. Беларусь ў Латвіі // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. Т. 36. Нью-Ёрк; Менск: Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва, 2013. С. [9]–[112].

Екабсонс Э. Беларусы в Латвии в 1918–1940 годах // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. Мінск: Бел. кнігазбор, 2001. С. 47–71.

20. gadsimta Latvijas vēsture. II: Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2003. 1022 lpp.

Grzybowski J. Stosunki polsko-białoruskie na Łotwie w latach 1920–1940 // Dzieje kultur czy zarzewie konfliktów? Problematyka mniejszości narodowych i etnicznych w Europie / Pod red. T. Gajownika [i innych]. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2017. S. 33–48.

Jėkabsons Ē. Polskie, białoruskie i litewskie szkolnictwo na Łotwie w okresie międzywojennym // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Białystok: Wydawnictwo Prymat, 2007. S. 211–220.

Jėkabsons Ē. Sešu pagastu un Grīvas pilsētas problēma Latvijas un Polijas attiecībās 20.-30. gados // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1995. Nr. 1. Lpp. 80–101.

Rutkis J. Latvijas ģeografija. Stockholm: Zemgale, 1960. 816 lpp.

References

20. gadsimta Latvijas vēsture. II: Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2003. 1022 p.

Ekabsons Je. Belorusy v Latvii v 1918–1940 godah. *Belaruskaja dyjaspara jak pasriednica ŷ dyialogu cyvilizacyi.* Minsk: Bel. knihazbor, 2001. Pp. 47–71.

Grzybowski J. Stosunki polsko-białoruskie na Łotwie w latach 1920–1940. *Dzieje kultur czy zarzewie konfliktów? Problematyka mniejszości narodowych i etnicznych w Europie* / T. Gajownik [et al.], eds. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2017. S. 33–48.

Jėkabsons Ē. Polskie, białoruskie i litewskie szkolnictwo na Łotwie w okresie międzywojennym. *Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się*

świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Białystok: Wydawnictwo Prymat, 2007. S. 211–220.

Jēkabsons Ē. Sešu pagastu un Grīvas pilsētas problēma Latvijas un Polijas attiecībās 20.–30. gados. *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*, 1995, no. 1, lpp. 80–101.

Jezavitaļ K. Belarusy ū Latvii. *Zapisy Belaruskaha Instytutu Navuki ģ Mastatstva*. Vol. 36. New York; Minsk: Belaruski Instytut Navuki ģ Mastatstva, 2013. Pp. [9]–[112].

Rutkis J. *Latvijas ģeografija*. Stockholm: Zemgale, 1960. 816 lpp.